

МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ В НАРРАТИВНЫХ ПРАКТИКАХ УКРАИНСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

В статье представлен опыт исследования проблемы мифологизации биографии эмигрантов, главным образом – мотивов пребывания за пределами родины современных украинских эмигранток. В данном случае нарратив фиксирует процессуальность самоосуществления и самооправдания женщин, которые в силу разных причин избрали эмиграцию в качестве жизненной стратегии. Нарратив как способ мифологизации мотивов эмиграции лишен онтологического основания и выступает как субъективный акт, творя тем самым псевдореальность. Мифы помогают эмигрантам почувствовать состояние бытийной укорененности. Однако это лишь иллюзия укоренения, так как в речевом акте полноты бытия достичь невозможно. Нарративный анализ в данном случае можно использовать в качестве инструмента коммуникации, который обеспечит исследование различных точек зрения на сложные социальные и культурные проблемы, при условии взаимного участия субъектов. В то же время демифологизация мотивов эмиграции может стать одним из факторов снижения миграционной активности женщин.

Ключевые слова: эмиграция, нарратив, мифологизация биографии, самооправдание, индивидуальный миф, бытийное укоренение.

Одна из наиболее актуальных проблем современности, требующих философского осмысления, философской рефлексии, порождается свободой передвижения человека. Это проблема миграции и ее производных: эмиграция, иммиграция, аккультурация, адаптация и т.п. Сегодня миграции являются глобальным явлением, которое играет значительную роль в системе внешних связей государств и во внутренней политике. Именно поэтому наше время называют «текучим» (З. Бауман) или «столетием миграций» (М. Кастельс). Общая миграционная активность имеет в каждой стране определенные последствия: некоторые страны страдают из-за большого количества иммигрантов, которые пытаются повысить уро-

¹ © Цимбал Т. В., 2016.

вень своей жизни за счет страны-реципиента, а некоторые, наоборот, – теряют трудовые ресурсы, интеллектуальный потенциал, фактически попадают в «демографическую яму».

Перед Украиной, одной из богатейших стран мира по природным ресурсам, остро встает проблема утраты главного капитала и основной ценности – коренного населения. В процессе осмысления этой проблемы очень сложно отделить теоретическую актуальность от политической злободневности, ведь сегодня украинцы фактически разделены на две части: половина этнических украинцев проживает на родине, а половина (по разным оценкам, от 16 до 25 миллионов) разбросана по миру.

Кроме того, эмиграция – это сложный по своей природе, разнообразный по формам и причинам, иногда непредсказуемый по социальным последствиям процесс. Эмигранты также являются очень разными по своим характеристикам и типам (от трудовых мигрантов до политических изгнанников), а сама эмиграция пребывает с обществом в диалектической связи, не только ощущая влияние общественно-политических явлений, но и оказывая влияние, в свою очередь, на них. Отношение к эмигрантам на постсоветском пространстве меняется и постепенно переходит от восприятия эмигранта как врага-предателя к признанию права на свободу передвижения.

Комплексное социально-философское исследование эмиграции привлекло наше внимание к практически неисследованному гендерному аспекту проблемы [8]. Его актуальность обусловлена резкой феминизацией миграционных процессов за последние десятилетия. Причем изменения в структуре эмиграционных потоков происходят не только в нашей стране, но и в мире [4; 6-7]. Эмиграция выступает для современных молодых женщин способом гиперэмансипации и гиперсоциализации (по О. Маховской), а для украинских женщин – это еще и способ избежать необходимости решать сложные социально-экономические проблемы, способ приблизиться к более приемлемым европейским нормам и устроить личную жизнь. Однако женская эмиграция – очень болезненна для общества, ведь она разрушает не только существующие семьи, но и будущие, так как дети, которые вырастают без примера нормальной семейной жизни, любви между родителями, в условиях гиперзаботы о материальном, утрачивают гуманистические ценностные ориентации (если они были сформированы) и зачастую пополняют асоциальные слои населения.

Учитывая актуальность данной темы, в статье предлагается опыт изучения проблемы мифологизации мотивов женской эмиграции посредством нарративной практики. Последняя популярна сегодня и как метод, и как предмет исследования и трактуется философией постмодерна как языковой акт, вербальное изложение, фиксирующее процессуальность бытия повествования. Конечно, истории, рассказанные в ходе исследования, не являются абсолютно новым методом. Его использовали в первой половине XX века, например, представители Чикагской социологической школы. Тогда предметом анализа были исключительно рассказы мужчин (по понятным причинам). Мы же избрали в качестве респондентов женщин, в силу феминизации эмиграции в течение последних десятилетий (исследования проводились в течение 2007-2013 годов в украинской диаспоре европейских стран, Канады и США).

Важной проблемой использования нарратива как метода является вопрос истины. Некоторые исследователи считают, что в рассказе отражается истинный ход событий, другие уверены, что происходит некоторое спонтанное искажение реальных процессов, кто-то считает, что рассказчик умышленно приукрашивает саму историю или свою роль в ней, изменяет реальные мотивы и цели, т.е. мифологизирует действительность. Это вполне объяснимо, так как каждый человек подсознательно или сознательно хочет убедить других (а возможно и себя) в том, что он – положительный герой истории, т.е. хочет провести презентацию своего «идеального образа». Интересно, что в некоторых случаях нарратив становится точкой отсчета, фундаментом для возникновения новой реальности: в процессе рассказывания человек осознает определенные ошибки, недостатки своей жизненной стратегии, и впоследствии пытается их исправить. Как подчеркивает Р. Барт, противопоставляя «произведение» типичное для классической традиции и постмодернистский «текст», «произведение замкнуто, сводится к определенному означаемому... В тексте, напротив, означаемое бесконечно откладывается на будущее» [1, с. 56].

В нашем случае изучение реальных историй эмигранток и сопоставление их с рассказами приводит к неоспоримым выводам о мифологизации рассказчицей как своих личностных качеств, так и мотивов действий, с целью самооправдания. То есть, понимая различие между реальным «Я» и идеальным, между собственной идентичностью и требованиями внешнего мира, женщина пытается синтезировать их с помощью создания индивидуального мифа.

Представляя свою историю слушателю, человек старается, в первую очередь, убедить самого себя в своей правоте, в правильности своих действий. События, непосредственно касающиеся определенного периода жизни, неожиданно для самого рассказчика вплетаются в более широкую биографическую канву, выявляют объективные маркеры, биографические «точки бифуркации», позволяя тем самым глубже понять происходящее. Таким образом, нарратив имеет определенный психотерапевтический эффект.

Кроме того, интерпретации нарративов зависят и от личности исследователя, ведь они могут проходить в различных ситуациях и вызвать разные прочтения смыслов. В нашем случае было опрошено достаточно большое количество женщин, которые не могли (не хотели?) вернуться на родину, к семье, и объясняли свою жизненную стратегию одинаково, создавая типичный миф эмигрантки: «Я заработала недостаточно средств. Мне нужно еще помочь детям выучиться (купить квартиру, накопить на свадьбу и т.п.)». Однако такая позиция – яркая иллюстрация мифологизации действительного положения дел, так как детям, в первую очередь, необходимо физическое присутствие матери рядом.

В контексте представленного исследования, необходимо уточнить содержание понятия «миф». Прежде всего, отметим, что к его смысловому наполнению неоднократно обращались философы, культурологи, историки, определяя его следующим образом: миф – это и жизненный мир (Л. Ионин), и категория протосоциального (Т. Лукман), и рассказ о событиях, в которых отображаются ступени выхода человека из докультурного хаоса (Ф. Шеллинг). По мнению некоторых исследователей, за пределами мифа нет ничего, кроме нового мифа (Ф. Ницше). Миф является исторически первой формой мировоззрения, способом моделирования и воплощения социальной реальности, иллюстрацией культурно-исторического контекста.

В современном философском дискурсе миф понимают не как определенный текст, а как способ восприятия и толкования действительности, который основывается на традиционных представлениях о мире, морали, соотношении между реальным и нереальным. По мнению автора, миф является особой формой мировосприятия и одновременно вербальной, действенной репрезентацией понимания мира, которая осуществляется с целью поддержки стабильности и равновесия. Миф – это полифункциональная образная концепция мировосприятия, определенный модус существования объективной реальности сегодня. В процессе мифологизации происходит идеализация некоторых моментов прошлого, отражение определенных чувств и неотрефлексированных моментов жизненной практики, т.е. того, о чем мы не размышляли достаточно и не хотим глубоко анализировать.

Кроме того, в мифах отражается не только определенное незнание, но и личность самого автора. То есть, «миф является историей его автора, а не действующих в нем лиц» (Э. Тейлор). Данный тезис приобретает особое значение в контексте исследования мифологии эмиграции и мифов эмигрантов.

Отметим, что стремление к мифологизации является важной особенностью сознания человека и проявляется на трех уровнях: общества как целостности, определенной группы людей или отдельной личности. По сути, мифотворчество – это онтологически обусловленный перманентный феномен, который постоянно находится в развитии и может быть направлен как на сегодняшний день, так и в прошлое или в будущее. Мифы классифицируют в зависимости от происхождения на природные и искусственно созданные, по содержанию – на политические, исторические, географические, экзистенциальные). Различают также мифы-идеализации и мифы-разрушители, внешние и внутренние мифы. Не останавливаясь детально на характеристике каждого из видов, исходя из авторского опыта исследования проблемы, отметим, что мифы эмигранток являются разновидностью экзистенциальных, внутренних мифов-идеализаций (поясняют смысл событий и смыслы жизни личности, исходя из субъективной оценки и желания самооправдания).

Мифы выполняют определенные функции, ведущими из которых, на наш взгляд, являются следующие:

- аксиологическая (утверждение системы ценностей общества или личности);
- телеологическая (определение целей);
- герменевтическая (объясняющая сущность событий и их значение);
- самоидентификации (имеет особое значение в так называемых «пограничных ситуациях»);
- связи поколений (идеализация с целью создания примера для потомков);
- внушения (убеждение другого в своей правоте и лишение критичности мысли);
- опыта самопознания (создание стереотипов восприятия некоторых образов).

Особое место среди других общественно-политических и историко-географических мифов занимают мифы эмигрантов, которые создаются с целью трактовки эмиграции как места сохранения культурных ценностей родины, как инструмента самоутверждения. Эмиграция, по сути, оказывается в ситуации квазибытия, так как существует вне своей территории, за границей родины, среди чужих народов, в поле действия чужих законов. Это провоцирует усиленное мифотворчество, выступает его катализатором.

Заметим, что в пространстве эмиграции единого мифа не существует, так как в каждой диаспоре, в каждом сообществе эмигрантов и каждым поколением создаются собственные оригинальные мифы, вокруг которых и объединяются люди. Мифы эмиграции имеет смысл классифицировать на внешние (созданные другими людьми об эмигрантах) и внутренние (созданные самими эмигрантами о себе). Среди внешних логично выделить мифы о причинах миграции, о «своей» и «чужой» территории, о преувели-

чений культурного фактора, миф о «райской земле», об утечке мозгов и т.п. Однако наш исследовательский интерес в большей мере направлен к так называемым внутренним мифам. В процессе общения с эмигрантами, с использованием метода устной истории и нарративных практик, мы попытались выяснить, почему возникает потребность в таких мифах и какие из них являются наиболее распространенными.

Выезжая за границы своей родины, отрываясь от родной почвы, человек утрачивает, в том числе, и свою мифологию, а воспринимать мифы нового общества очень сложно. Эмигрант попадает во вне-мифологическое пространство, поэтому возникает потребность создать собственные мифы. Они представлены в основном двумя векторами: одни направлены на романтизацию страны рождения, другие – на искажение ее образа с целью самооправдания. Мифы женщин-эмигранток направлены в большей мере не на страну проживания или родину, а являются мифами идеализации своей личной истории, мотивов эмиграции, причин длительного пребывания в эмиграции. Такие мифы представляются авторами не в письменной или литературной форме, а устно, в процессе нарративных практик. Аудитория представлена, прежде всего, членами семьи эмигрантки, а также близкими друзьями, мнение которых значимо для автора мифа. Мужчины менее склонны к репрезентации своей личной истории, так как мнение людей, даже близких, не является для них настолько значимым, важнее самооценка и оценка общества в целом (статус, финансовое положение и т.п.). Исследование также подтвердило наше предположение, что мифы, идеализирующие автора, выполняют функцию самооправдания эмигрантки.

Подчеркнем, что демографические данные относительно эмиграции открывают значительные изменения в гендерной структуре миграции не только в нашей стране, но и в мире в целом. Так из восточных стран раньше выезжали преимущественно мужчины, которые работали в строительной сфере, в сельском хозяйстве и в горной промышленности. Сегодня большинство рабочих трудится в перерабатывающих отраслях и в материально-техническом обслуживании. В отдельном бизнесе широко задействованы молодые женщины. Подобная ситуация наблюдается на мировом рынке труда в целом, поэтому можно утверждать, что за последние десятилетия миграционные потоки изменились не только количественно, но и качественно: возросло количество мигрантов, которые имеют высшее или среднее специальное образование, значительно увеличилось количество женщин-мигранток.

Сравнительное исследование, проведенное нами относительно гендерных характеристик первой волны украинской эмиграции (рубеж XIX и XX веков) и ее современного состояния, привлекает внимание к резкому падению семейной эмиграции и возрастанию женской. Вообще современную украинскую эмиграцию можно характеризовать как женскую: женщины становятся и инициаторами, и основными исполнителями эмиграционных намерений. Такая ситуация, как мы считаем, является следствием возрастания социальной активности женщин на Украине. Современная украинка уже не хочет быть исключительно верной женой и матерью. Ей необходимы профессиональные достижения, определенный уровень материального достатка, соответствующее социальное положение. Причем статус уже не определяется исключительно статусом мужа. Существующая тенденция иллюстрирует стремление украинок выйти за границы предписаний и требований своей культуры, приблизившись к европейским нормам.

Сегодня средний возраст женщины, которая выезжает из нашей страны – 40-50 лет. Это значит, что она воспитывалась и получала образование в Советском Союзе, а потом на долю этой молодой женщины выпали испытания перестройки: безденежье, массовые разводы, безработица, торговля на рынках и т.п. Пройдя такие жизненные преграды, женщина хочет хоть немного «пожить нормально», удовлетворяя свои материальные и духовные потребности, не отказывая себе в элементарных вещах.

Заметим, что базовые жизненные потребности мужчин и женщин практически одинаковые, однако существуют различия в традиции воспитания девочек и мальчиков, а отсюда – и различия в мировосприятии, определении бытийных стратегий, эмоциональности, ответственности. В контексте нашего исследования одними из наиболее важных являются различия в пространственно-временной ориентации. Известно, что женщины очень часто не могут адекватно воспринимать пространственно-временные характеристики, хуже, чем мужчины, ориентируются в пространстве, для многих из них время имеет неодинаковый темп в разных обстоятельствах. С другой стороны, женщины более адекватно могут оценить практическое значение и жизненную необходимость определенных вещей, событий и т.д. Женщины более эмоциональны и склонны к субъективизации событий. Мужчины же рассматривают предметы и события в их взаимосвязях, разделяя факты и собственное восприятие последних. Однако женщины легче адаптируются к новым условиям жизни, находят собственное место в новом окружении, способны отождествлять себя с достижениями любимого человека. Более высокие адаптивные возможности женщин связаны с их сосредоточенностью на повседневных бытовых проблемах. Повседневность же в любом месте проживания имеет намного больше общего, чем различного. Окунаясь в повседневность, женщина в условиях эмиграции переживает меньший стресс. Она легче укореняется на новой почве и

вживається в новий соціокультурний контекст. Крім того, жінки більш схильні до псевдоукоренення. Тобто вони вважають свою життєву місію виконаною, свою життя насиченою, максимально наповненою, якщо корисні для інших (дітей, чоловіка, батьків). Саме тому, вибираючи еміграцію як життєву стратегію, яка допоможе родині в складні часи, жінка легше переносить тягар чужини.

Відомо, що традиційно в українській родині відповідальність за дітей і їх благополуччя, за старших членів родини переважно лежить на плечах матерів. Крім того відповідальність в родині визначається цим критерієм (опекою над слабким), а не відповідальністю подружжя один перед одним. В відчаї, коли немає можливості забезпечити дітей найнеобхіднішим, жінки приймають рішення про еміграцію.

В даному випадку спостерігаємо парадокс: з одного боку, висока адаптивність і відповідальність жінок призводить до збільшення кількості українських емігранток, з іншого боку, залишаючи дітей, позбавляючи їх материнської ласки і щоденної турботи – це проявляється як безвідповідальність. Жіноча еміграція є фактично втечею з родини, яка має руйнівні наслідки для всіх учасників подій, але найбільш руйнівні – для дітей. Як свідчать дослідження, проведені в західних областях України, кожна третя родина має батьків трудових емігрантів. Їхня мета за кордон благородна: забезпечити дітям можливість навчатися в університеті, або з метою придбання житла для дітей, жінки рідко повертаються на батьківщину. Пояснень можна знайти декілька. В перших, «ради дітей» – це «остатній аргумент, найвища мотивація самоусунення з культурного середовища, в якому народилися і виросли, але не були щасливими героїні» [4, с. 7]. Апеляція до «майбутнього дітей», на нашу думку, – це позиція самооправдання, своєрідний камуфляж, який, по суті, є вирок для дітей – потенційних сиріт. Діти виростають, отримують освіту і тоді мати знаходить нове виправдання своєї відсутності в родині – «ради онуків». В інших, людина швидко звикає до більш комфортного життя, до соціального порядку, поважанню до особистості і т.п., які зустрічає на Заході. В третіх, жінка не хоче повертатися до старих стандартів зарплати. І нарешті, просторові переміщення з необхідністю призводять до психологічних, ментальних змін, до змін світоглядних орієнтацій в оптимістичному напрямку, тобто повернення на батьківщину для жінок – це повернення до старих уже неприйнятних правил і стандартів життя.

Однак ми вважаємо, найголовніше в даному випадку – оцінка жінки в суспільстві. Як зазначалося вище, основна маса українських трудових емігранток – жінки 40-50 років. В психології українців (особливо в сільській місцевості) – це вже практично жінка «в віці», а для західних чоловіків така жінка є предметом захоплення. Знаючи про еміграційні пари, жінки вже не повертаються на батьківщину, нечесно мотивуючи це рішення необхідністю допомагати дітям. Насправді, гроші не бувають лишніми. Але діти, які не відчувають материнської любові, а замість цього отримують гроші, нерационально їх витрачають, іноді на асоціальні потреби. Так, наприклад, за останні 10 років кількість наркоманів в Західній Україні (основному регіоні-постачальнику трудових емігранток) зросло втричі. Чоловіки ж, які залишилися вдома з дітьми, відчувають себе використаними і не потрібними сьогодні, ні в майбутньому. Звідси і соціальні, і психологічні проблеми.

Відзначимо ще один цікавий момент. Жіночі успіхи в еміграції досить часто оцінюють не за фінансовим критерієм (як чоловічі), а з точки зору вдалого шлюбу. Тобто головний бізнес-проект емігрантки – влаштувати свою особисте життя. І якщо в початку ХХ століття популярними були шлюби з відомими людьми (артистами, спортсменами і т.п.), то сучасні емігрантки прагнуть створити нормальну родину з забезпеченим західним мешканцем. За статистикою частіше за все українки виходять заміж в Італії за чоловіка без вищої освіти, який має невеликий власний бізнес, або працює наймом.

Міцним стимулом для потенційних емігранток стає приклад подруг або знайомих. В Західній Україні, де історично сильна установка на еміграцію, є цілі села заражені «еміграційною лихорадкою». Там постійно циркулює емігрантська міфологія, охоплюючи найбільш широкі шари населення. Крім того в нарративній практиці як спосіб самоопределення еміграція виступає абсолютно логічним нормальним ланкою в біографічній ланцюжку людини. В розговорах на тему просторової мобільності, люди порівнюють свої доходи, змагаються між собою, частіше ігноруючи етичні і психологічні наслідки. На претензії по приводу «невідвратності» жінка відповідає шаблоном: «Я ж дітей не на чужих людей залишила. Не можу ж я думати про всіх. На моїх плечах – матеріальне забезпечення».

І все ж, родини, в яких один з батьків працює за кордоном, перебувають в стані «тимчасової смерті». Ця «тимчасовість» стає незворотною в 60% випадків [2, с. 79]. Саме стільки родин розпадається, коли чоловік або жінка прагнуть залишитися в чужій країні назавжди і навіть після воз-

Розділ перший. Філософія доби глобалізму, постмодерну й інформатизації

вращения на родину. Привлекает внимание факт, который мы установили в процессе общения с эмигрантками: если они не имели претензий к своим мужьям до отъезда, то постепенно такие претензии появлялись. Женщины обвиняют в своих злключениях на чужбине не государство, власть и новых украинских капиталистов, а собственных мужей. Причем делают это в процессе объяснения своего «невозвращенчества», тем самым стараясь оправдать свое отсутствие в семье.

Сумев заработать деньги в чужой стране, украинские женщины повышают самооценку (иногда даже слишком) и воспринимают свое прошлое на родине как муку, которую терпели зря, или как даром потраченное время: «У большинства трудовых мигрантов абсолютно рабское подчинение там компенсаторно меняется на презрительное отношение к «примитивному» образу жизни (даже существования!) тех, кто считает, что преодолевать трудности лучше здесь, на Украине» [2, с. 4].

Главным фактором женской эмиграции является стремление к самореализации, все еще проблематичной в украинском культурно-историческом пространстве. Так, анализируя повесть О. Забужко «Инопланетянка», Е. Переломова указывает на проблему самореализации женщины в украинских реалиях: «Творчески самореализоваться в «чужом» (мужском) мире стремится «новая героиня» и в повестях «Инопланетянка», «Я, Милена», «Девочки», «Сказка о калиновой дудочке». Героиня одноименной повести чувствует себя «инопланетянкой» в реальной жизни. Характерной для текста становится субъективность рассказа, внутренние монологи и диалоги, цитаты и иллюзии органично вплетенные в авторский текст. Инопланетянка Рада остро ощущает свою непринадлежность миру людей» [5, с. 89]. Таким образом, женские переживания вскрывают глубинный мотив: желание быть востребованной, желание адекватной оценки труда, способностей и личных качеств. Современное же общество приводит к деперсонализации человека. Поэтому женская эмиграция – это поиск себя, реализация права на свободу и независимость. С другой стороны, создавая семью, человек должен понимать, что «не может быть общественного института более зависимого (в понимании навязывания определенных правил жизни человеку), более жестокого, чем семья» [3, с. 4].

Таким образом, женскую эмиграцию можно назвать бегством – бегством от обязанностей, домашнего рабства, желанием спрятаться от определенных проблем, перепоручив их членам семьи. Бегство является крайней формой протеста и женщина, на интуитивном уровне понимая это, оправдывается необходимостью расплатиться за учебу детей, необходимостью приобрести жилье, пытаясь таким образом придать своему бегству жертвенности и благородства. И хотя жертвенность культивируется в православной традиции, она не является продуктивной жизненной стратегией. Кроме того, основная задача матери – быть рядом с детьми в повседневных заботах, а не переводить материнское отношение в спонсирование, исключительно в материальную плоскость.

В заключение подчеркнем, что остановить (или приостановить) феминизацию украинской эмиграции, конечно же, сложно. Для этого женщина должна избавиться от социокультурной маргинальности, которую ей навязал патриархат и десятилетия тоталитаризма. Главная роль в этом принадлежит системе образования, социальной и культурной политике в целом. Действия государства должны быть направлены на укоренение украинцев на отечественной почве, а средства массовой информации могут целенаправленно демифологизировать женскую эмиграцию, отражая ее истинные мотивы и последствия. Нарративный анализ в данном случае помогает понять мотивы действий людей, представить разные позиции, рассмотреть разные точки зрения в процессе коммуникации, и приблизиться тем самым к глубокому пониманию и комплексному решению проблемы.

Литература:

1. Барт Р. Избранные работы : Семиотика, поэтика. – М. : Прогресс-Универс, 1994. – 616 с.
2. Березовський О. Інтернаймичка. Дочка чи пасербиця Європи? – Тернопіль : Підручники і посібники, 2005. – 352 с.
3. Дружинин В. Психология семьи. – Екатеринбург : Деловая книга, 2000. – 208 с.
4. Маховская О. Соблазн эмиграции, или Женщинам, отлетающим в Париж. – М. : ПЕР СЭ, 2003. – 144 с.
5. Переломова О. Інтертекстуальність сучасного фемініного художнього дискурсу (спостереження за структурою тексту повісті О. Забужко «Інопланетянка») / О.С. Переломова // Вісник Сумського державного університету. Серія: Філологічні науки». – № 11 (95). Том 1. – Суми, 2006. – С. 89-93.
6. Прожогина С. Иммигрантские истории. – М. : ИВ РАН, 2001. – 209 с.
7. Френкман-Хрусталева Н. Эмиграция и эмигранты: история и психология. – СПб. : Государственная академия культуры, 1995. – 153 с.
8. Цимбал Т. Феномен еміграції: досвід філософської рефлексії. – Київ, Кривий Ріг : Видавничий дім, 2012. – 396 с.